

Обобщая сказанное выше, следует заметить, что доходные дома в Саратове сыграли значительную градостроительную роль. Они давали городу масштабность, были опорой основой для последующей застройки. Доходные дома задавали тон в «архитектурной моде»: строения первой половины XIX в. – это классицизм, второй половины XIX в. – эклектика, или историзм; в конце XIX – начале XX в. – как правило модерн.

Сегодня вновь сочетание «доходный дом» применимо к действительности. Пока в российском законодательстве нет понятия «доходный дом», но уже есть постановление правительства Москвы «О проведении эксперимента по строительству и эксплуатации в Москве доходного дома». Под доходными домами здесь понимаются жилые и нежилые помещения, которые без ограничения размера площади предоставляются во временное владение по договорам аренды или коммерческого найма.

Но для Саратова доходные дома – пока история.

Примечания

¹ См.: Проект общих оснований оценки недвижимых имуществ в городах Саратовской губернии: издание Саратовской Губернской Земской управы. Саратов, 1911.

- ² См.: *Кокшайский И.Н.* Город Саратов в жилищном отношении (по данным переписи 1916 г.). Саратов, 1922.
- ³ *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1982. С. 41.
- ⁴ Там же С. 38.
- ⁵ *Кукольник Н.В.* Новые постройки в Петергофе // Художественная газета. 1837. № 11–12. С. 176.
- ⁶ *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. С. 47.
- ⁷ *Бондарь Н.А., Стешин И.Н.* Саратов. Архитектура городов России. М., 1951. С. 27.
- ⁸ *Соколов П.* Красота архитектурных форм // Зодчий. 1912. № 49. С. 490.
- ⁹ *Китнер И.С.* Кирпичная архитектура // Зодчий. 1872. № 6. С. 84.
- ¹⁰ *Шретер В.* Обывательский дом // Зодчий. 1873. № 2. С. 139.
- ¹¹ *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1982. С. 187.
- ¹² *Нащокина М.В.* Эпоха модерна в России как многообразие // Наследие Ф.О. Шехтеля в современном мире. Саратов, 2009. С. 21.
- ¹³ Там же. С. 41.
- ¹⁴ Модерн. Саратов, 2008. С. 45.
- ¹⁵ *Кириченко Е.И.* Доходные жилые дома Москвы и Петербурга (1770–1830-е гг.) // Архитектурное наследие. № 14. М., 1962. С. 135.

УДК 94 (470.44)|1941/1945|

ФОРМЫ РЕЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С.О. Козурман

Саратовский государственный университет
E-mail: kozurman@front.ru

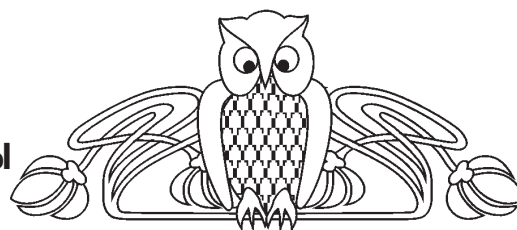
Статья посвящена малоизученным аспектам миграции населения в годы Великой Отечественной войны. На основе обширного архивного материала автор исследует приёмы и способы возвращения эвакуированного населения на прежние места жительства, общий механизм реэвакуационных процессов. Выявляются особенности государственной и самостоятельной реэвакуации. Показаны сходства и различия реэвакуационных процессов для разных социальных и профессиональных слоев советского общества.

Ключевые слова: реэвакуация, возвращение, постановление, переселенцы, обком, областной Совет.

Forms of Re-evacuation of Population from the Saratov Area in the Years of Great Patriotic War

S.O. Kozurman

The article is sacred to the insufficiently known aspects of migration of population in the years of Great Patriotic war. On the basis of the vast archived material an author investigates receptions and

methods of returning of the evacuated population into former places of inhabitation, general mechanism of re-evacuation processes. The features of state and independent re-evacuation come to light. Likenesses and distinctions of re-evacuation processes are shown for the different social and professional layers of soviet society.

Key words: re-evacuation, returning, decision, migrants, regional committee, regional Soviet.

Вопросы реэвакуации населения являются, пожалуй, наименее изученными миграционными процессами периода Великой Отечественной войны. Приёмы, способы, сроки, экономические и социальные аспекты возвращения эвакуированного населения к прежним местам жительства еще ждут своего полного и обстоятельного исследования. В данной статье мы попытаемся показать, как и каким образом осуществлялся процесс реэвакуации гражданского населения из Саратовской области, ставшей в годы войны крупнейшим центром размещения эвакуантов в Поволжском регионе.

Фактически реэвакуация из Саратовской области началась уже в начале 1942 г. В связи с

успешными действиями Красной Армии ГКО и СНК СССР в период января–марта 1942 г. приняли целый ряд постановлений о возвращении руководящих кадров центральных государственных учреждений. Из 65 документов по вопросам реэвакуации 46 были непосредственно связаны с Москвой и Московской областью, а 25 постановлений касались возвращения на прежние места сотрудников Президиума Верховного Совета и СНК РСФСР, Госплана СССР, Наркоматов путей сообщения, финансов, внешней торговли, заготовок и т.д.¹ Часть этих учреждений в 1941 г. была размещена в Саратовской области, и в связи с указанными постановлениями в начале 1942 г. ряд госслужащих начал покидать ее пределы. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 31 января 1942 г., работники Госплана, Наркомата госконтроля, Наркомата финансов, Прокуратуры и Верховного Суда РСФСР до 5 февраля обязаны были вернуться в столицу. Также возвращались Наркомат заготовок СССР и Главнефтебывт при СНК СССР. Непосредственно за осуществление этих мероприятий отвечали их руководители и Наркомат путей сообщения, который обязан был предоставить необходимое количество вагонов².

Сотрудники учреждений, не отмеченных в постановлении Совнаркома, видимо, чувствовали себя обделенными, так как разными способами добивались разрешения на отъезд в Москву, что вызывало поначалу негативную реакцию местного руководства³. Однако в дальнейшем Саратовский обком ВКП(б) сам способствовал реэвакуации ряда работников столицы. Обусловлено это было хозяйственными интересами. В июле 1942 г. обком просил Совнарком разрешить отъезд семей работников Наркомата авиапромышленности, дабы освободить местную жилплощадь для других целей⁴.

Однако осуществление главных государственных мероприятий по реэвакуации началось в 1943 г. Именно тогда появился ряд специальных решений ГКО и СНК СССР, напрямую касающихся вопросов возвращения широких слоев населения на прежние места жительства. Механизм реэвакуации, запущенный на государственном уровне, был теснейшим образом связан с процессом хозяйственного восстановления освобожденных регионов Советского Союза. Реэвакуация проводилась планомерно, с учётом освобождения территории от врага и снятия военной угрозы с прифронтовых районов⁵.

23 января 1943 г. было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации». Данное постановление сыграло роль образца для последующих решений подобного характера, которые и структурно, и по содержанию были очень близки январскому решению, но охватывали более внушительные массы населения. Наряду с описанием порядка и сроков возвращения раз-

личной техники в документе от 23 января 1943 г. говорилось об откомандировании в освобожденные районы специалистов и работников сельского хозяйства, в том числе значительного количества ранее эвакуированных кадров. Мобилизуемые работники получали единовременное пособие от 1 200 до 2 500 рублей (в зависимости от специальности) и командировочные на время пребывания в пути. Наркомат путей сообщения должен был обеспечить подачу вагонов. Через три месяца к уехавшим работникам могли присоединиться их семьи⁶. Благодаря этому пункту постановления число реэвакуируемых граждан могло потенциально возрасти в несколько раз: известно, что семьи эвакуированных были весьма многочисленны, наличие 3–4-х детей в семье было повсеместным явлением. По данным на 1943 г., в РСФСР детей до 15 лет среди эвакуированных насчитывалось 45,5%⁷, а в Саратовской области в середине 1943 г. из общего числа эвакуантов (307 000 человек) лиц, не достигших 14 лет, было около 109 000⁸. Выполняя установки центральных органов, бюро Саратовского обкома ВКП(б) составило список мобилизуемых граждан, в том числе из ранее эвакуированных. Общее количество работников дефицитных специальностей (трактористов, комбайнёров, директоров МТС, бухгалтеров и т.д.) насчитывало 2 629 человек, хотя СНК обязал отправить из области только 1 577 работников⁹.

Следующим важным шагом в череде государственных мероприятий, касающихся реэвакуации, явилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», которое значительно развивало январский документ. Этот постановление охватывало уже значительно большее число эвакуированных. Государством ставилась задача «...откомандировать всех руководящих работников и специалистов сельского хозяйства, эвакуированных из Воронежской, Курской, Сталинградской, Ростовской, Калининской, Орловской и Смоленской областей, Краснодарского и Ставропольского краёв и Украинской ССР к месту их прежней работы»¹⁰. В дальнейшем подобных постановлений, детализирующих и расширяющих составы мобилизуемых контингентов, становилось всё больше. Советские и партийные органы на местах, с санкций СНК СССР, принимали свои решения, одинаковые по структуре и логике, но различающиеся социальным составом, числом, сроками и местами откомандирования населения.

В материалах исполкома Саратовского областного Совета сохранилось много постановлений подобного характера. Все они касаются восстановления или оказания помощи освобожденным районам. Одним из обязательных пунктов этих мероприятий были откомандирование работников различных специальностей. Повторим, что откомандировывались, как правило, ранее эвакуированные граждане, которые получали возмож-

ность вернуться домой на законных основаниях. Наибольшее число таких постановлений касалось Украинской и Белорусской ССР, так как выходцев из указанных республик Советского Союза на территории области было значительно больше, чем из иных регионов. Взрослого населения из Украины в июне 1942 г. насчитывалось около 60 000 человек, а выходцев из Белоруссии – 20 000 (из общего числа в почти 300 000 человек эвакуантов)¹¹. Решения по Украине и Белоруссии, начиная с ноября 1943 г., принимались неоднократно: по УССР – 23 и 25 ноября 1943 г., 27 ноября, 31 января, 12 и 22 мая, 25 ноября 1944 г.¹²; по БССР – 10 января, 28 февраля, 7 марта и 25 ноября 1944 г.¹³

Профессиональный состав отправляемых граждан в большинстве своем был связан с сельским хозяйством. По всей стране число жителей, размещенных в сельской местности, составляло примерно две трети. В Саратовской области эвакуантов, размещенных в сельской местности к середине 1943 г. насчиталось примерно 200 000 человек¹⁴. Реэвакуация сельских тружеников проводилась в форме восстановления МТС, колхозов и совхозов районов, пострадавших от врага. Согласно этим же документам реэвакуировались преподаватели и работники учебных заведений, относящихся по профилю к сельскому хозяйству. Ответственность за проведение указанных мероприятий возлагалась на областной земельный отдел, директоров совхозных трестов, работников райкомов и райисполкомов, т.е. почти на все организации и всех руководителей, напрямую связанных с сельским хозяйством. Отправляемым работникам, в соответствии с 11-м пунктом постановления от 23 января 1943 г., выдавались денежные пособия и предоставлялись материальные льготы¹⁵.

Со второй половины 1943 г. можно выделить реэвакуацию в форме возвращения людей определенных специальностей. Уже к концу ноября 1943 г. Саратовская область стала испытывать недостаток в учителях, так как в это время шел активный процесс массового возвращения учительских кадров в освобожденные районы¹⁶. В рамках подготовки школ Советского Союза к 1944/45 учебному году областным Советом, с санкции РСФСР, было принято решение реэвакуировать очередную партию учителей, на этот раз преимущественно в центральные области России (Московскую, Смоленскую, Курскую)¹⁷. Жизненно необходимой для освобожденных районов была реэвакуация медицинских работников. Так, почти все медицинские кадры Белоруссии, находящиеся в области, возвращались к сентябрю 1944 г. в родные места¹⁸. Начиная с декабря 1943 г. и января 1944 г. Саратовскую область постепенно покидали представители другой значительной группы эвакуированного населения, а именно работники транспорта – речники и железнодорожники. В соответствии со специальными постановлениями ГКО (2 декабря 1943 г. и 31 января

1944 г.) они возвращались в систему Наркомата речного флота и Наркомата путей сообщения¹⁹.

В течение 1944 г. была создана необходимая законодательная база для реэвакуации жителей четырех союзных республик: Молдавии, Эстонии, Латвии и Литвы. В марте исполкомом Саратовского Совета были приняты постановления, касающиеся Молдавской и Эстонской ССР, а в августе – Латвийской и Литовской ССР. Мы не случайно выделяем реэвакуацию граждан этих республик, так как в ней имелся ряд особенностей. Во-первых, реэвакуация проводилась без конкретных временных привязок. Руководители саратовских предприятий и учреждений обязаны были по требованию Совнаркома соответствующей республики отпустить того или иного работника в любое время после поступления заявки. Во-вторых, реэвакуация распространялась почти на всех трудящихся граждан, без различия их профессиональной специализации, т.е. покинуть область мог как рабочий, так и колхозник. Запрет распространялся лишь на сотрудников Наркоматов обороны и военморфлота, а также работников НКВД и НКГБ²⁰.

Видимо, требования представителей прибалтийских республик не обеспечили возвращение жителей в полной мере. Не случайно 3 ноября 1944 г. исполкомом было принято специальное решение «О реэвакуации граждан Эстонской ССР», которое предписывало возвратить всех граждан ЭССР, проживающих на территории области (351 человек) к марту–апрелю 1945 г. (кроме описанных выше категорий). Условия возвращения «задержавшихся» прибалтов в материальном отношении были обеспечены достойным образом: полный расчет за выполненные работы, предоставление специального транспорта, снабжение продовольствием²¹.

К целенаправленным отправкам эвакуированного населения относится также реэвакуация жителей Карело-Финской ССР и Ленинградской области. Относительно ленинградцев первое решение исполкома облсовета было принято 5 сентября 1944 г. Оно обеспечивало реэвакуацию 8 644 человек. Уже после войны постановление от 21 июня 1945 г. возвращало еще 2000 человек, а самое позднее решение датируется 12 июля 1946 г., когда в области еще оставалось около 1,5 тыс. ленинградцев²². Во всех указанных документах речь идет о реэвакуации жителей, «не работающих на предприятиях и учреждениях». Интересы военной экономики требовали временного оставления части рабочих и служащих на прежних местах, к тому же въезд в Ленинград строго контролировался и был ограничен для населения.

Реэвакуация населения КФССР также проходила поэтапно. Постановление 19 сентября 1944 г. предполагало отправку 1 461 человека, 30 марта 1945 г. говорилось о еще 760 жителях. Здесь поначалу речь также шла о возвращении «не

занятых на предприятиях» граждан, но 3 декабря 1945 г. было санкционировано возвращение всех оставшихся жителей КФССР, кроме работников НКВД, НКГБ, Наркоматов обороны и военно-морского флота²³.

Непосредственные материальные условия реэвакуации населения Ленинградской области и КФССР были наиболее благоприятными, четко оговоренными и всесторонне контролируемые. Гражданам предоставлялись значительные льготы по месту прибытия, в частности, освобождение от денежных налогов на 1946–1947 гг. В Саратовской области с них списывались все недоимки по государственным поставкам, непосредственно в местах отправления обеспечивалось медицинское обслуживание и организовывалось питание, в дорогу выдавались специальные продовольственные карточки и денежные пособия в размере 1 000 руб. на одну семью²⁴.

В 1944–1945 гг. особое распространение получает реэвакуация в форме отзыва с места прежней работы или по вызовам уже вернувшихся родственников. Получив указанный вызов, эвакуанту необходимо было составить специальное заявление в местные органы власти с обоснованием причины необходимости отъезда. Заявления членов или кандидатов в члены ВКП(б) позволяют нам подробнее изучить этот процесс, так как подобного рода документы в достаточном количестве присутствуют в протоколах заседаний бюро райкомов ВКП(б). Авторами большинства обнаруженных нами заявлений являются женщины. Самыми частыми формулировками для отъезда можно назвать следующие: «по вызову мужа», «по семейным обстоятельствам», «к больным родственникам»²⁵. Также довольно часто заявления составлялись на основе вызовов предприятий или организаций, где ранее работал переселенец. Партийные организации освобожденных областей сами часто присылали настойчивые просьбы в адрес руководства области или райкомов о необходимости откомандирования того или иного своего ценного сотрудника. Должности сотрудников могли быть разными – от заведующего оргинструкторским отделом обкома до учителя или машинистки²⁶.

Запросы с просьбой о возвращении обратно должен был одобрить соответствующий горком или райком ВКП(б). Чаще всего бюро давало разрешение на отъезд, особенно с формулировками «по вызову родственников» или «в связи с болезнью члена семьи». Отказы же встречаются реже; они обосновывались хозяйственными интересами района. Отказывали, как правило, людям, занимавшим какую-либо важную руководящую должность или работникам острodefицитных специальностей. Например, бюро Советского райкома ВКП(б) 20 июня 1945 г. отказало в откомандировании старшему механику и военруку средней школы с формулировкой – «за неимением кадров в районе»²⁷. В Красноармейском районе в

1944–1945 гг. из 46 рассмотренных заявлений, 13 получили отказ с примерной формулировкой «нет возможности произвести замену». Среди получивших отказ – конюх, учитель, бухгалтер, секретарь парторганизации²⁸. Вместе с тем районные власти могли пойти навстречу желаниям ряда граждан, но после выполнения ими определенного объема своих обязанностей. Так, 2 декабря 1944 г. бюро Безьянского райкома ВКП(б) разрешило отъезд бухгалтеру и председателю колхоза, но лишь после сдачи ими полного годового отчета²⁹.

Самым незначительным образом влияла на численность эвакуированного населения реэвакуация учреждений науки, образования и культуры. Отъезды из Саратова работников МХАТа в июле 1942 г, Московской консерватории в сентябре 1943 г. и Ленинградского университета летом 1944 г. почти не сказались на темпах реэвакуации – количество эвакуированной научной и художественной интеллигенции было несравнимо с числом рабочих и колхозников³⁰.

Также нам пока не удалось обнаружить каких-либо специальных документов о реэвакуации детдомов. По-видимому, детей, оставшихся без родителей, решено было не эвакуировать. Исключение составляет лишь реэвакуация детских домов для испанских детей, санкционированная правительством 25 апреля 1944 г.³¹ Вместе с тем воспитанники некоторых эвакуированных детских интернатов, родители которых находились не в Саратовской области, по мере освобождения территорий СССР направлялись к семье. Так, в течение 1942 г. обратно к родителям в Москву были отправлены 34 воспитанника Бородаевского интерната № 1 (Марковский район). Их отъезды продолжились и в 1943 г., при этом уезжали преимущественно ребята старшего возраста³².

Некоторые общие статистические сведения об изменении численности эвакуантского населения в Саратовской области приведены в таблице.

Анализируя причины изменения численности эвакуированного населения, стоит признать, что все вышеописанные формы реэвакуации не могут в полной мере объяснить причины сокращения общего числа переселенцев. Некоторые факторы, не связанные с реэвакуацией, но непосредственным образом влиявшие на численные показатели, легко объясняются общими процессами военного времени. Мы имеем в виду, прежде всего, смертность среди гражданского населения Советского Союза, которая в среде эвакуантского населения была выше (иногда существенно выше), чем среди основного населения тыловых регионов страны. Вторым фактором нужно считать мобилизации в армию.

Для понимания всей полноты реэвакуационных процессов необходимо рассмотреть так называемую «внеплановую» реэвакуацию, в которую входят самостоятельная (часто самовольная) и незаконная реэвакуация. Эта реэвакуация большей частью проходила без должного государственного контроля и каких-либо законодательных санкций.

Таблица 1

Численность эвакуированного населения в Саратовской области в 1942–1946 годы.

Месяц	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.
Январь	312 500	307 863	241 900		45 890
Февраль				95 800	
Март			208 400		
Апрель		307 000	165 000	77 100	
Май					37 555
Июнь	298 798	304 800	135 900	67 088	
Июль		303 600			
Август			112 600		
Сентябрь			111 000		33 242
Октябрь	337 411	285 700			
Ноябрь					28 356
Декабрь			108 600		

Таблица составлена по материалам: ГАРФ. Ф. А–327. Оп. 2. Д. 26. Л. 1; Д. 390. Л. 2; Д. 393. Л. 8 об.; Д. 404. Л. 2, 5, 8; Д. 423. Л. 14, 16, 19, 21, 23, 25, 27; Д. 716. Л. 12; Д. 724. Л. 2, 6, 8, 21; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3101. Л. 60; Д. 4093. Л. 139.

Сама специфика подобного рода реэвакуационных процессов повлияла на их крайне неравномерное отражение в источниках, однако мы попытаемся в общих чертах осветить этот вопрос.

Тяжелые материально-бытовые условия жизни, а также недостаточная работа по организации хозяйственного устройства эвакуантов привели ряд городских и сельских жителей к мнению о невозможности своего дальнейшего пребывания в эвакуации³³. С конца декабря 1941 г. в ряде районов Заволжья стали отмечаться «настроения неорганизованного возвращения в освобожденные районы», а чуть позже уже «неконтролируемые отъезды» из области эвакуированного населения³⁴. Люди стали осаждать райкомы ВКП(б) с просьбами о выдаче пропусков и о выезде обратно³⁵. Причем отмечено, что эвакуанты уезжали как на прежние места жительства, так и в соседние области. Ситуацию усугубляла относительная близость Саратовского Поволжья к основным местам выхода эвакуированного населения; переселенцев, желающих самостоятельно возвратиться домой, например, из Западной Сибири, было, конечно, намного меньше. Встречая препятствия к отъезду, крестьяне нередко заявляли, что с наступлением «... теплых весенних дней они пешком дойдут до своих старых мест без всяких справок и транспорта». Саратовский обком партии видел свою задачу в организации на местах агитационно-пропагандистской работы среди переселенцев³⁶. Однако, как показали последующие события, до конца проблему неконтролируемых отъездов из-за низкого уровня жизни решить не удалось.

Все более набирающий обороты процесс стихийного выезда эвакуированных из сельской местности был особенно болезненным для экономики области. Плохая организация снабжения продуктами питания, топливом, промтоварами, трудности с устройством на работу обусловили усиление самостоятельной реэвакуации. Напри-

мер, в конце 1942 г. в ряде районов Заволжья тяжелая ситуация со снабжением хлебом вынудила ряд эвакуированных граждан переселяться в другие районы или добиваться выезда за пределы области. В 1943 г. на заседании исполкома облсовета отмечалось, что подобные явления распространились значительно шире. В Аркадакском, Ртищевском, Новоузенском, Питерском, Приволжском и др. районах выезды приобрели «стихийный и массовый характер». Были очевидны негативные хозяйственные последствия подобных явлений, особенно для бывших немецких районов, однако, не везде местное руководство предпринимало меры к улучшению жизни эвакуантов³⁷.

Для жителей, эвакуированных в сельскую местность, для населения, не связанного с оборонным производством, не было какого-то четкого механизма, регулирующего процесс выезда за пределы области или каким-либо образом препятствующего ему. Граждане, решившие покинуть территорию области, должны были получить соответствующее разрешение от районного руководства. С этим разрешением органы милиции выдавали специальный пропуск на право проезда по железнодорожным и водным путям, при этом наличие данного пропуска в полной мере не контролировалось. В специальной инструкции указывалось, что одной из категорий граждан, могущих получить подобные пропуска, являются эвакуированные³⁸.

Как свидетельствуют документы, желающих воспользоваться подобным порядком было много и особых препятствий, по крайней мере в 1942–1943 гг., для отъезда не было. Только за один день, 30 июля 1942 г., в Клинецком районе было выдано 80 подобных пропусков, в подавляющем большинстве на эвакуированных. В Терновском и Ртищевском районах за период мая–августа 1942 г. из примерно 900 пропусков, большая часть пришлась на возвращающихся эвакуантов. Граждане честно признавались, что уезжают домой, к

родным или по вызовам с места работы. Никаких запрещающих мер принято не было³⁹.

Из вышеприведенной таблицы видно, что наиболее резкий «обвал» численности переселенцев происходил с конца 1943 г. и в первой половине 1944 г. Ряд документов этого периода фиксирует массовый наплыв возвращающегося населения в крупных городах области. На железнодорожных станциях Саратов-1 и Саратов-2, станциях Ртищево и Балашова в декабре 1943 – январе 1944 г. наблюдалось скопление огромных людских масс. Ввиду нахождения их в эвакуопунктах и вокзалах до 5–6 дней возникли большие затруднения с питанием и отправкой. Ситуация напоминала осень–зиму 1941 г. Облисполком постановил организовать дополнительное питание для реэвакуируемого населения и обеспечить нужное количество эшелонов для его отправки⁴⁰. Однако ситуация усугубилась в марте–апреле 1944 г., когда в Саратове возникли еще большие сложности с организацией питания и медицинского обслуживания реэвакуантов. Пункты питания не были рассчитаны на столь значительный наплыв населения. Например, столовая головного буфета РУЖД могла обслужить в день только половину из 4 000 человек. Саратовские власти предприняли ряд мер с целью ликвидации подобных явлений, а в апреле секретариат обкома просил у Наркомата торговли выделения дополнительных фондов продуктов питания⁴¹.

Подобные явления во многом были обусловлены массовым наплывом сельского населения области. Только за один месяц, в период с марта по апрель 1944 г., его количество сократилось с 152 600 до 111 000 человек⁴². Райсоветы по собственной инициативе и по желаниям жителей «давали добро» на массовое возвращение в освобождённые районы. 6 мая 1944 г., выполняя распоряжение СНК РСФСР, исполкомом областного Совета было принято решение, запрещающее «... исполкомам райсоветов депутатов трудящихся области производить, без специального разрешения правительства, массовое возвращение эвакуированного населения в районы, освобожденные от немецкой оккупации». Теперь райисполкомы при непосредственном участии представителей областей и республик, командированных для подготовки реэвакуации, должны были взять на строгий учет все эвакуонаселение и составить чёткие планы его отправки. Подобное решение было несомненным плюсом, устраняющим хаос в реэвакуационных потоках. Также указанное решение предполагало и ряд мер, существенно улучшавших обслуживание реэвакуантов (питание, медико-санитарную обработку, подачу эшелонов)⁴³.

Все эти процессы можно назвать самовольной, фактически неконтролируемой государством реэвакуацией, однако с правовой точки зрения в самостоятельной реэвакуации серьезных нарушений не было. Иначе дело обстояло с миграцией городских жителей. Значительное число эвакуантов

составляли рабочие заводов, имевших оборонное значение. Развивая Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., 26 декабря 1941 г. был обнародован новый документ, запрещающий самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности и обслуживающих ее отраслей. В течение 1942 г. действие Указа было распространено на большое число рабочих невоенной промышленности. Теперь по приговору Военного трибунала лица, ушедшие с предприятия, официально считались дезертирами производства и могли получить срок тюремного заключения от 5 до 8 лет⁴⁴. Однако суровые будни военного тыла заставляли людей искать лучшей доли. Только за период с 1 ноября 1942 г. по 31 января 1943 г. в Военный трибунал войск НКВД Саратовской области поступило 4 199 дел. В Сталинском районе Саратова за первое полугодие 1944 г. «дезертировало» с предприятий 1 222 человека⁴⁵.

Во всех документах этого периода главной причиной фактических побегов назывались «неудовлетворительные жилищно-бытовые условия». Нельзя, конечно, утверждать, что все, кто покидал промышленные предприятия, были эвакуированными, но во всех документах отмечено, что процент эвакуированных был особенно высок, часто составлял более 50%. Не все «дезертиры» отправлялись именно в места прежнего жительства, тем более что многие территории еще не были освобождены от врага. Тем не менее очевидно, что уход рабочих с предприятий самым непосредственным образом влиял на численность эвакуонаселения. Устойчивое число «дезертиров» на предприятиях области сохранялось на протяжении всех военных лет⁴⁶.

Помимо неудовлетворительных материальных условий жизни были и другие причины для незаконного оставления работы. По мере освобождения ряда территорий Советского Союза от врага все более усиливалось желание жителей вернуться домой. Например, на заводе № 572 в 1944 г. руководство по этому поводу отмечало настроение части рабочих: «начинаются неправильные приемы изыскания способов уехать из Саратова». В результате на заводе № 572 за восемь месяцев 1944 г. зафиксировано 113 незаконных уходов⁴⁷. В ноябре 1942 г. в связи с введением военного положения в Саратове и налетами вражеской авиации среди молодых рабочих заводов ГПЗ-3, «Серп и молот» и др. распространились настроения неуверенности и беспокойства, даже паники. Они стали покидать предприятия и пределы области. Значительное число из них составляли именно эвакуированные⁴⁸.

Все эти факты заставили власти пойти на ужесточение мер в отношении «правонарушителей»⁴⁹, но в целом «антидезертирская кампания» была провалена⁵⁰.

Таким образом, формы реэвакуации населения из Саратовской области можно разделить на

две большие группы. В первую войдет реэвакуация, осуществляемая и контролируемая государством, – плановая реэвакуация. Претворение ее в жизнь основывалось на принятии различного рода постановлений и решений высших органов власти. Мы выделим следующие ее формы:

- реэвакуация сотрудников центральных государственных учреждений,
- реэвакуация в форме помощи освобожденным районам (откомандирование),
- реэвакуация граждан по профессиональному признаку,
- целенаправленная реэвакуация жителей конкретного региона страны,
- реэвакуация учреждений науки и культуры,
- частичная реэвакуация детского населения,
- реэвакуация, осуществляемая по вызовам родственников или отзывам с прежнего места работы.

Вторую группу образует внеплановая реэвакуация, участие и контроль государства в которой был значительно слабее. В нее входят:

- самостоятельная или самовольная реэвакуация. Она не всегда одобрялась властями, но четких законодательных актов для ее проведения не было, а потому какими-либо юридическими нарушениями она не сопровождалась. Эта форма реэвакуации касается преимущественно жителей сельской местности;
- незаконная реэвакуация («дезертирство»). Осуществлялась путем нарушения существовавших юридических норм. Касается исключительно рабочих и служащих предприятий, попадавших под действие Указов от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г.

Реэвакуация населения из Саратовской области проходила и после войны, но масштабы её были несравнимо меньше военных лет. Для нас же важно отметить, что никаких принципиально новых форм реэвакуации не появилось.

Примечания

- 1 См.: Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2. С. 78.
- 2 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 129. Л. 7–8.
- 3 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2484. Л. 2, 6.
- 4 Там же. Д. 2712. Л. 60.
- 5 См.: Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 384; Рабочий класс Советского Союза накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1984. С. 353.
- 6 См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 90–94.
- 7 См.: Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. С. 276.

- 8 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А–327. Оп. 2. Д. 26. Л. 25.
- 9 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2705. Л. 22–22 об.; Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. Саратов, 1969. С. 114–115 (подсчитано автором).
- 10 См.: Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М., 1946. С. 55–56.
- 11 ГАРФ. Ф. А–327. Оп. 2. Д. 390. Л. 2; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4093. Л. 139.
- 12 ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 220. Л. 150–150 об., 167–167 об.; Д. 232. Л. 75; Д. 234а. Л. 60а–60а об.; Д. 233. Л. 57–58; Оп. 6. Д. 83. Л. 152–152 об.
- 13 Там же. Оп. 1. Д. 232. Л. 142; Д. 234а. Л. 22–22 об., 154–154 об.; Оп. 6. Д. 83. Л. 32–32 об.
- 14 ГАРФ. Ф. А–327. Оп. 2. Д. 26. Л. 25.
- 15 ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 220. Л. 150–150 об., 167–167 об.; Д. 232. Л. 75, 142; Д. 233. Л. 57–58; Д. 234а. Л. 22–22 об., 60а–60а об., 154–154 об.; Д. 236. Л. 48–49, 186–186 об.; Д. 240. Л. 21; Оп. 6. Д. 54. Л. 167–167 об.; Д. 60. Л. 53; Д. 70. Л. 73–73 об., 77–77 об.
- 16 Там же. Оп. 1. Д. 219. Л. 227–227 об.; Оп. 6. Д. 70. Л. 68–68 об.
- 17 Там же. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 236. Л. 3, 6.
- 18 Там же. Д. 234. Л. 127; Д. 236. Л. 329.
- 19 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3759. Л. 21–23; ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 220. Л. 181–181 об.
- 20 ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 232. Л. 161; Д. 236. Л. 296–296 об.; Оп. 6. Д. 87. Л. 67; Д. 89. Л. 138–138 об.
- 21 Там же. Оп. 6. Д. 91. Л. 38–38 об.
- 22 Там же. Д. 90. Л. 42–42 об.; Д. 107. Л. 278; Оп. 1. Д. 262. Л. 168–169.
- 23 Там же. Оп. 6. Д. 90. Л. 57–57 об.; Д. 92. Л. 190–190 об.; Д. 105. Л. 139–139 об.
- 24 Там же. Оп. 1. Д. 236. Л. 343; Д. 262. Л. 168; Оп. 6. Д. 90. Л. 42, 57 об.; Д. 92. Л. 190; Д. 105. Л. 139–139 об.; Д. 107. Л. 278.
- 25 ГАНИСО. Ф. 2905. Оп. 16. Д. 2. Л. 173; Оп. 2а. Д. 1. Л. 15 об., 31, 155, 200 об., 224–224 об.; Ф. 5031. Оп. 1. Д. 16. Л. 84.
- 26 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3103. Л. 1; Д. 4080. Л. 1; Ф. 2905. Оп. 2а. Д. 1. Л. 224 об.; Ф. 5031. Оп. 1. Д. 16. Л. 23; Д. 45. Л. 45, 96 об.
- 27 Там же. Ф. 5031. Оп. 1. Д. 103. Л. 73.
- 28 Там же. Ф. 4621. Оп. 4. Д. 3. Л. 22–23, 30–30 об., 46 об., 50–50 об., 143–143 об.; Оп. 5. Д. 4. Л. 42–42 об., 75.
- 29 Там же. Ф. 2905. Оп. 2а. Д. 1. Л. 200 об.
- 30 См. подробнее: *Баринов Д.Б., Голуб Ю.Г.* Судьбы российской художественной интеллигенции в условиях сталинского режима. Саратов, 2002. С. 94, 100; *Аврус А.И.* Пребывание Ленинградского университета в Саратове в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2009. № 3. С. 102.
- 31 ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 233. Л. 35–37.
- 32 Там же. Ф. Р–2215. Оп. 3. Д. 9. Л. 1, 31.
- 33 ГАНИСО. Ф. 2905. Оп. 1а. Д. 5. Л. 43а.
- 34 Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–35.

- ³⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2328. Л. 42.
- ³⁶ Там же. Д. 2678. Л. 38–39; Д. 2331. Л. 76–77.
- ³⁷ Там же. Д. 3108. Л. 99–100; ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 6. Д. 67. Л. 70–70 об.; Долгов В.М. Нижневолжская деревня в Великой Отечественной войне. Саратов, 1983. С. 50.
- ³⁸ ГАСО. Ф. Р–2374. Оп. 10. Д. 3. Л. 183.
- ³⁹ Там же. Л. 302, 309–310.
- ⁴⁰ Там же. Ф. Р–1738. Оп. 6. Д. 76. Л. 95–95 об.
- ⁴¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3347. Л. 68–68 об.; Д. 3702. Л. 124.
- ⁴² ГАРФ. Ф. А–327. Оп. 2. Д. 423. Л. 25, 27.
- ⁴³ ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 236. Л. 9–9 об.
- ⁴⁴ См.: Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942; С. 78–79; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 208–209.
- ⁴⁵ ГАСО. Ф. Р–2374. Оп. 11. Д. 7. Л. 54; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3807. Л. 130.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. Р–2374. Оп. 11. Д. 7. Л. 54–55 об., 89–96, 149–152.
- ⁴⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3708. Л. 3 об.; Д. 3807. Л. 136.
- ⁴⁸ Там же. Д. 2712. Л. 16.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. Р–2374. Оп. 11. Д. 2. Л. 189–189 об.
- ⁵⁰ См. подробнее: *Кодинцев А.Я.* Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941–1948 годах // Отечественная история. 2008. № 6.